

**Летописи русской
литературы и древности,
издаваемые Николаем
Тихонравовым**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л52

Л52   Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым: Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-458-02300-9

ISBN 978-5-458-02300-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.¹⁾

II.

Слѣдуя извѣстному логическому закону, по которому если невѣрны главныя основанія какого-либо мнѣнія, вывода, то невѣрны и частныя, приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, посредствующія соображенія, — выставленными нами положеніями мы могли бы закончить нашъ разборъ новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, потому что всѣ остальные доказательства Шафарика, даже и съ его точки зрѣнія, имѣютъ значеніе именно доказательствъ посредствующихъ, непрямыхъ. Притомъ же, тогда какъ въ основныхъ, разсмотрѣнныхъ нами тезисахъ Шафарика приводятся доказательства изъ новыхъ, по крайней мѣрѣ доселѣ неразслѣдованныхъ источниковъ, — всѣ остальные его соображенія (за исключеніемъ развѣ указанія на подпись попа Георгія 982 г.) основаны, какъ выше уже замѣчено было, на данныхъ давно уже извѣстныхъ и притомъ характера самаго неопредѣленнаго. Но во первыхъ мы боимся упрека въ уклончивости; во вторыхъ, если въ вышензложенныхъ объяснительныхъ соображеніяхъ Шафарика и приводимыхъ имъ данныхъ нѣтъ ничего новаго, то многія изъ этихъ данныхъ къ мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и въ частности къ подтвержденію мысли объ изобрѣтеніи первой изъ нихъ Кирилломъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи Шафарика, примѣнены только въ первый разъ. Въ третьихъ, какъ уже объ-

¹⁾ См. первую статью въ 4-й книжкѣ «Лѣтописей».

яснено было въ нашей первой статьѣ, всё эти соображенія въ цѣломъ своемъ составѣ, по своему остроумію и некусной постановкѣ относящихся къ нимъ данныхъ, производить на читателя дѣйствіе поразительно-увлекающее, такъ что склоняють повидимому дѣло въ пользу мнѣнія Шафарика. По всемъ этимъ причинамъ и приведенныя нами выше частныя соображенія Шафарика, какъ перваго такъ и втораго разряда, мы считаемъ нужнымъ подвергнуть, смотря по важности ихъ, болѣе или менѣе подробному разбору. И такъ:

1) Въ подтвержденіе своего мнѣнія о происхожденіи Глаголицы отъ Кирилла Шафарикъ ссылается на то, что римское духовенство порицало славянскія книги за новостъ письменъ, которыми онѣ были писаны, называя ихъ варварскими, и Кирилль въ свою защиту не указывалъ на то обстоятельство, что эти письмена греческія, что и служить будто бы доказательствомъ, что онъ и его помощники употребляли письмена глаголическія (§ 10—11). Кого здѣсь разумѣеть Шафарикъ подъ римскимъ духовенствомъ? Если римскій дворъ, то папа Адрианъ, въ первое путешествіе славянскихъ апостоловъ въ Римъ, когда ему показали славянскія книги, *не зная, что дѣлать отъ радости*, принесъ ихъ къ жертвеннику, положилъ въ церкви святой Маріи, велѣлъ епископамъ освятить ихъ и потомъ служить на славянскомъ языкѣ литургію въ церкви святаго Петра и проч. ¹⁾ За тѣмъ тотъ же папа буллою далъ торжественное дозволеніе совершать слав. богослуженіе какъ въ Панноніи, такъ и въ Моравіи. Это дозволеніе потомъ подтверждено было и папой Юанномъ VIII (булла 880 г.). Но римскій дворъ въ послѣдствіи однакожь преслѣдовалъ Меѳодія, брата Кирилла? Въ томъ-то и дѣло, что причиной преслѣдованія Меѳодія были не славянскія буквы, а учрежденное славянскими апостолами богослуженіе *по греческому обряду* и потомъ исповѣданіе догмата объ исхожденіи Святаго Духа, безъ прибавленія *filioque*. Послѣднія два обстоятельства были причиною, что тотъ же папа Юаннъ VIII въ послѣдствіи славянское богослуженіе подвергъ запрещенію, а папа Стефанъ VI (ок. 886 г.) предалъ Меѳодія и учениковъ его даже анафемѣ,

¹⁾ Простр. жит. Клич. и Жит. Кир. XVII (по изд. Шлѣ).

вслѣдствіе чего послѣдніе были изгнаны изъ Моравіи и бѣжали въ Болгарію. За тѣмъ изъ X вѣка мы имѣемъ факты преслѣдованія кирилловыхъ учениковъ и послѣдователей въ Панноніи и опять видимъ, что преслѣдованію подвергается не славянскій алфавитъ, а славянское богослуженіе и вслѣдствіе этого книжный славянскій языкъ и, разумѣется, вмѣстѣ съ буквами, которыми были писаны книги. Замѣчательно, что въ теченіе всей исторіи этихъ преслѣдованій, вопреки мнѣнію Шафарика, варварскимъ вездѣ называется не алфавитъ славянскій, а самый языкъ, и то потому, что на немъ совершалось богослуженіе по греческому обряду. Точно такъ же и въ запрещеніяхъ римской церкви на первомъ планѣ вездѣ стоитъ славянское богослуженіе, а славянскій языкъ на второмъ и уже на третьемъ славянская азбука, да и то о ней упоминается лишь стороною и изрѣдка¹⁾. Притомъ же, какъ нарочно не въ пользу мнѣнія Шафарика, глаголитская азбука, не смотря на ея *новость*, хоть и поздно была римскою церковью дозволена²⁾; напротивъ славянское богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ послѣ смерти Меѳодія чѣмъ далѣе, тѣмъ преслѣдуемо было все строже и строже и дозволенію совершать его, данное римскою куріей при жизни Меѳодія вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и политическихъ видовъ римской церкви, никогда возобновляемо не было. Причины такого явленія опять объясняются очень легко: глаголиты совершали слав. богослуженіе по римскимъ миссаламъ, а Кириллиты по греческимъ евхологіямъ и требникамъ. Не ясно ли отсюда, что римская церковь преслѣдовала слав. апостоловъ и ихъ послѣдователей не за *новость* азбуки и даже не за отправленіе богослуженія на слав. языкъ и по слав. книгамъ, а совершенно по другимъ причинамъ? Возьмемъ ли мы споры Кирилла съ латинскимъ духовенствомъ собственно въ Моравіи и Панноніи,—и придемъ опять къ результату тому же самому. Преслѣдуя славянскихъ апостоловъ, иѣмецкіе священники обвиняли ихъ въ ереси, въ введеніи славянскаго

¹⁾ См. An. Salisb., буллы Іоанна VIII, Стеф. VI, Іоанна X, Іоанна XIII, Григ. VIII, актъ Спѣвт. соб. и пр.

²⁾ Булла Іоанна IV, 1248 г.

богослуженія вмѣсто латинскаго, а не въ употребленіи славянскихъ буквъ ¹⁾. Если угодно, Кирилла обвиняли и за устроеніе славянской азбуки, но только азбуки вообще, а отнюдь не *новой* въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову Шафарикъ. Это доказываютъ всѣ жалобы нѣмецкаго духовенства римскому престолу, въ которыхъ, какъ и въ послѣдствіи, славянскія буквы вездѣ стоятъ на третьемъ планѣ. При такомъ положеніи дѣла, само собою разумѣется, было бы странно Кириллу въ свое оправданіе во время споровъ съ римскимъ духовенствомъ сослаться на греческое происхожденіе изобрѣтенной имъ азбуки: онъ долженъ былъ оправдываться въ томъ, въ чемъ его обвиняли, т. е. долженъ былъ защищать законность совершенія богослуженія на новомъ языкѣ, не входившемъ по мнѣнію противниковъ въ число трехъ языковъ привилегированныхъ (евр., греч. и лат.). Такъ Кириллъ и дѣлаетъ; напр. венеціанскіе епископы говорятъ ему: мы же три тѣмъ языки вѣмы, ими же достонгъ въ книгахъ славити Бога: еврейскыи, еллинскыи и латинскыи. Отвѣща же филозофъ къ нимъ: како вы не стыдите се три языки мѣнше тѣчию, а прочимъ вѣмъ языкомъ и писменемъ сѣтпомъ везеще и глухомъ быти?... Мы же народъ много знаемъ, книги умѣюще и Богу славу въздающе кждо своимъ языкомъ. Явѣ же суть си: армени, перси, ивери... и т. д. ²⁾.

2) «О Климентѣ говорится, продолжаетъ Шафарикъ, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ для большей ясности и удобства въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе идетъ къ алфавиту кирилловскому, но непримѣнимо къ азбукѣ глагольской, очень трудной для употребленія (§ 12)». Это доказательство Шафарика можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только для тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что Климентъ былъ изобрѣтателемъ Глаголицы, а не Кириллицы. Но, по нашему мнѣнію, Климентъ не изобрѣталъ ни той, ни другой и вообще никакой азбуки. Значитъ, мы имѣемъ право оставить это соображеніе Шафарика безъ отвѣта. Замѣтимъ однакожь, что ясность, легкость и трудность алфавита понятія совершен-

¹⁾ См. Залозужка, буллы Юліана VIII и въ особенности Стефана VI.

²⁾ Жит. Кир. по изд. Шаф. XVI.

во условныя: по нашему мнѣнію, каждый алфавитъ, даже самый трудный, совершенно ясенъ для того, кому онъ родной и кто привыкъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ и китайскій алфавитъ для грамотнаго Китайца не представляетъ особенныхъ трудностей: по крайней мѣрѣ онъ не согласится промѣнять его ни на какой другой, даже самый легкій. А для цѣлаго народа такая замѣна одного алфавита другимъ, и притомъ вслѣдствіе личнаго произвола одного человѣка, невозможна рѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и при какихъ условіяхъ могла бы совершиться эта перемѣна алфавита, изобрѣтеннаго Кирилломъ, азбукой новой, хотя бы то и болѣе легкой, если бы и рѣшился сдѣлать это Климентъ или кто другой изъ учениковъ Меодія? Кирилловскій, т. е. изобрѣтенный Кирилломъ, алфавитъ во время Климента уже распространился и въ Панноніи, и въ Моравіи, и въ Болгаріи, и въ Чехіи и вообще по всему юго-востоку. На немъ образовалась уже письменность и переводная, и оригинальная. Теперь въ случаѣ попытки замѣнить прежній алфавитъ новымъ, все это нужно вновь переделывать, переписывать всѣ книги, а главное всѣмъ переучиваться читать по-славянски. Да и кто бы послушался Климента? Положимъ онъ пользовался уваженіемъ современниковъ, но во мнѣніи ихъ Кириллъ конечно стоялъ несравненно выше, и бывшій у нихъ въ употребленіи алфавитъ былъ освященъ его именемъ и потомъ именемъ брата его Меодія.

3) «Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный ориенталистъ, а такимъ именно и былъ святой Кириллъ философъ (§ 13)». Объ этомъ соображеніи Шафарика страшно даже и говорить: вѣдь не одинъ же Кириллъ въ эпоху изобрѣтенія Глаголицы зналъ восточные языки. Въ IX и X вѣкѣ, при тогдашнихъ частыхъ сношеніяхъ и Византіи, и Рима съ Востокомъ, такихъ знатоковъ было очень много; слѣд. на основаніи сходства нѣкоторыхъ глагольскихъ буквъ съ восточными, эту азбуку можно приписать кому угодно. При томъ же, по общепринятому мнѣнію, съ восточнаго взято нѣсколько начертаній и въ Кириллицѣ, а слѣд. и въ отношеніи къ ней соображенію Шафарика сохранять полную свою силу. Съ другой стороны, что касается до Глаголицы, то доселѣ, какъ извѣстно, еще не рѣшено, откуда взяты ея начертанія. Мы выше видѣли, что нѣ-

которые исследователи большую часть глагольскихъ буквъ производятъ изъ сѣверныхъ руунъ. Что тогда мы должны будемъ сами думать объ изобрѣтателѣ глагольского письма, если подобное производство его будетъ доказано строго-научнымъ образомъ? Не ясно ли, что въ такомъ случаѣ, говоря о лингвистическомъ образованіи Кирилла, — титул оріенталиста придется замѣнить титуломъ знатока руническихъ письменъ?

4) «Древнѣйшее глаголическое письмо болгарскихъ рукописей вѣрно передаетъ пошибъ греческаго курсива IX — X вѣка и, *безъ сомнѣній*, образовалось подъ его вліяніемъ, а слѣд. и Глаголица не могла явиться позже IX—X вѣка, потому что въ XI вѣкѣ греческій курсивъ уже значительно измѣнился (§ 17)». Этому соображенію, какъ видно, не придавалъ особеннаго вѣса и самъ Шафарикъ. Последнее ясно уже и изъ того бѣднаго результата, къ которому приходитъ онъ этимъ путемъ, т. е. что судя по пошибу древнѣйшаго глагольскаго письма (болгарскому), происхожденіе его нельзя относить къ эпохѣ поздне X вѣка. Но, слѣдую указываемому Шафарикомъ способу, даже и съ такимъ выводомъ согласиться очень трудно. Пошибъ греческаго курсива рукописей конца IX—XIII вѣка и даже позднеjšíchъ, въ общемъ своемъ характерѣ, почти не представляетъ въ себѣ никакихъ разностей, никакихъ особенностей; по крайней мѣрѣ эти особенности въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, т. е. по сравненію почерка греческихъ рукописей, относящихся къ указанному періоду съ пошибомъ болгарской Глаголицы, совершенно ничтожны, такъ что съ точки зрѣнія Шафарика, на основаніи сходства пошиба болгарской Глаголицы съ пошибомъ греческихъ, писанныхъ скорописью, рукописей, появленіе ея можно съ одинаковымъ правомъ отнести и къ X—XI и къ XII—XIII вѣку. Вотъ другое дѣло — половина IX вѣка. Сюда перенести Глаголицу съ ея пошибомъ, если только образцомъ его служила греческая графика, рѣшительно невозможно. Но обо всемъ этомъ мы должны сказать нѣсколько подробнѣе. Шафарикъ здѣсь взглянулъ на дѣло съ такой точки, съ какой никто еще доселѣ не смотрѣлъ: мы разумѣемъ указываемый имъ способъ опредѣлить время появленія глагольскаго письма на основаніи его пошиба. Примѣнимъ этотъ способъ къ обо-

имъ славянскимъ алфавитамъ и посмотримъ, какіе выйдутъ изъ этого результаты.

Въ древней греческой графикѣ рѣзко различаются другъ отъ друга два пошиба, или почерка, уставный и скорописный, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ въ себѣ нѣсколько частныхъ подраздѣленій. Такъ въ древнѣйшемъ греческомъ уставѣ,—въ рукописяхъ VI, VII и отчасти VIII вѣка,—употреблялись буквы круглыя и квадратныя, т. е. состоящія или изъ правильныхъ круговъ (напр. о, с), или изъ правильныхъ квадратовъ (напр. п, и, н и проч.); въ VIII же вѣкѣ начинаютъ входить въ употребленіе буквы продолговатыя, идущія больше въ длину, нежели въ ширину. Этотъ послѣдній почеркъ мы видимъ въ греческихъ манускриптахъ VIII—IX вѣка. Между тѣмъ въ концѣ IX вѣка происходитъ новая переменна: въ это время еще употребляются прежнія продолговатыя буквы, но они большею частію имѣютъ другое положеніе, не прямое, какъ прежде, а наклоненное—на право, или на лѣво. Съ этого же времени, т. е. съ конца IX вѣка у Грековъ, по подражанію стенографамъ, начинаетъ входить въ употребленіе письмо вязное, или скорописъ, котораго въ X вѣкѣ и становится почеркомъ господствующимъ, а въ XI вѣкѣ совершенно вытѣсняетъ собою уставъ. И такъ, говоря вообще, въ греческой графикѣ границей между уставомъ и скорописью служитъ конецъ IX и начало X вѣка¹⁾. Разумѣется, и изъ эпохи X и даже XI вѣка встрѣчаются греческія рукописи уставнаго письма; но во первыхъ, этотъ уставъ имѣетъ форму наклоненную, а не прямую; во вторыхъ, рукописи X—XI вѣка, писанныя уставомъ, или точнѣе полууставомъ, исключительно содержанія богослужебнаго; въ третьихъ, по словамъ Монфокона, такія рукописи составляютъ рѣдкость. Точно такъ же, какъ по рѣдкости, Монфокопъ указываетъ на греч. рукописи IX вѣка, писанныя скорописью. Теперь, пехода изъ той мысли, что изобрѣтатель греко-славянскаго письма, основаннаго по несомнѣннымъ признакамъ и свидѣтельствамъ на

¹⁾ Представленные нами выводы основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ нами надъ греческими манускриптами Моск. Синодальной Библіотеки, а также надъ снимками съ греч. рукописей, выходящими въ гр. Палеографіи Монфокона и въ описаніи гр. рук. вѣи. Библ. Лимбедіа.

греческомъ, взявъ образцомъ для составленной имъ азбуки греческій почеркъ *современный* ему, и притомъ господствующій, общепотребительный, а не какой-либо исключительный, только начинавшій входить въ употребленіе, или устарѣвшій и вышедшій, а тѣмъ болѣе вышедшій изъ употребленія,—спрашивается: къ какой эпохѣ греческой графки должно отнести появленіе Кириллицы? Отвѣтъ очевиденъ: безъ всякаго сомнѣнія къ той эпохѣ греческаго почерка, къ какой всего ближе подходитъ древнѣйшая Кириллица по формѣ своихъ буквъ. И вотъ новое подтвержденіе для насъ, что эта азбука изобрѣтена не позднѣе середины IX вѣка; потому что, какъ мы выше замѣтили уже, славянское кирилловское письмо, какимъ видимъ его въ древнѣйшихъ рукописяхъ, какъ нельзя ближе и вѣрнѣе передаетъ почеркъ греческихъ рукописей VIII и первыхъ 3-хъ четвертей IX вѣка. Переступимъ за эту грань, отодвинемъ появленіе Кириллицы къ X вѣку, или даже къ концу IX, когда дѣйствовалъ Климентъ, и мы войдемъ въ противорѣчіе съ палеографическими данными. Если Кириллица, какъ думаетъ Шафарикъ, изобрѣтена именно въ это время, и если какъ изобрѣтатель ея, такъ и его сотрудники и вообще первые, принявшіе новое письмо въ замѣнъ прежняго, сѣдовали бывшему тогда въ общемъ употребленіи греческому пошибу; то это письмо должно дойти къ намъ, или въ видѣ скорописи, или въ видѣ косвеннаго полуустава, какой употреблялся тогда у Грековъ. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ кирилловскихъ рукописяхъ отъ XI до XIV вѣка включительно. Примѣнимъ теперь тотъ же палеографическій критеріумъ къ Глаголицѣ. По словамъ Шафарика она вѣрно передаетъ будто-бы пошибъ греческаго курсива IX—X вѣка. Согласимся на это. Но къ какому времени мы въ такомъ случаѣ должны отнести ея появленіе? Очевидно къ эпохѣ не ранѣе X вѣка или пожалуй конца IX, но только отнюдь не къ половинѣ его; потому что въ это время, т. е. въ эпоху Кирилла у Грековъ курсива еще не было, да и въ концѣ IX вѣка этотъ почеркъ, какъ сказано выше, только начиналъ еще входить въ употребленіе, а вовсе не былъ господствующимъ характеромъ письма. Вотъ почему даже съ точки зрѣнія Шафарика, руководствуясь указываемымъ имъ способомъ,

мы должны отнести появленіе Глаголицы скорѣе къ X вѣку, или ко времени позднѣйшему, вообще къ періоду времени, когда у Грековъ курсивъ сдѣлался господствующимъ почеркомъ. Прибавимъ однакожь, что послѣдній, сдѣланный нами выводъ можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Шафарика. По нашему жъ мнѣнію дѣлаемое имъ сближеніе болгарской Глаголицы съ греческимъ курсивомъ невѣрно въ самомъ основаніи, и если въ отношеніи къ Кириллицѣ это сближеніе действительно приводитъ къ чрезвычайно важнымъ и точнымъ результатамъ, то въ отношеніи къ Глаголицѣ результаты сближенія могутъ быть только самыя незначительныя,—общіе и неопредѣленные. Греческій курсивъ, имѣвшій образцомъ для себя издавна употреблявшуюся у Грековъ стенографію, образовался вслѣдствіе желанія каллиграфовъ для скорости писать по нѣскольку буквъ сряду, однимъ почеркомъ, и сущность, его главный характеръ именно состоитъ въ этомъ соединеніи буквъ, въ связности письма. Между тѣмъ въ болгарской Глаголицѣ ничего подобнаго мы не видимъ, и единственное сходство между нею и греческимъ курсивомъ—это округленная форма буквъ. Съ этой же стороны можно приравнять бол. Глаголицу какъ къ греческому курсиву IX—XII вѣка, такъ еще съ большимъ правомъ къ письму латинскому той же самой эпохи.

5) «Новыя названія слав. буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ. Съ другой стороны было совершенно естественно, что изобрѣтатель письма гречко-славянскаго для составленія имъ азбуки не взялъ названій греческихъ или семитическихъ, а воспользовался готовыми извѣстными ему славянскими (глаголическими) названіями (§ 22)». Въ этомъ соображеніи Шафарика только игра словъ; потому что послѣдній его силлогизмъ мы имѣемъ полное право примѣнить точно также къ Глаголицѣ, какъ онъ примѣняетъ его къ Кириллицѣ, т. е. изобрѣтателю Глаголицы,—скажемъ мы,—извѣстны были славянскія названія буквъ кирилловскаго алфавита; поэтому совершенно было естественно, что онъ даже для тѣхъ начертаній которыя, по мнѣнію Шафарика взяты съ восточнаго, или которыя, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, взяты изъ письменъ руническихъ, не взялъ

оттуда и самыхъ названій, а воспользовался названіями готовыми, существовавшими въ Кириллицѣ. Относительно мнимой новости названій славянскихъ буквъ, какъ и самыхъ начертаній Глаголицы, мы говорили выше. И такъ здѣсь остается замѣтить только, что новость (если бы даже она была доказана), или заимствованное происхожденіе названій буквъ, какой бы то ни было, не даетъ никакого права заключать о новости, или заимствованіи самыхъ знаковъ; равно какъ новость, или заимствованіе знаковъ не даетъ права заключать о новости, или заимствованіи самыхъ названій. Знаки могутъ быть заимствованные, а названія ихъ новыя, говоря, разумѣется, все это относительно. Въ доказательство этого положенія можно указать множество примѣровъ какъ изъ восточныхъ (напр. новаго Евр., Егип., Копт. и проч.), такъ и изъ европейскихъ (греч. и лат.) языковъ, а не одни только названія готскихъ буквъ, которыя (названія) Шафарикъ старается заподозрить со стороны исторической достовѣрности. И такъ совершенно естественно, что Кирилль, составивши изъ греческихъ и восточныхъ начертаній свой алфавитъ, далъ славянскимъ буквамъ, говоря относительно, названія новыя, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ точно такъ же, какъ и составители алфавитовъ греческаго, латинскаго, готскаго, коптскаго и т. д.

б) «Кирилль, — говоритъ далѣ Шафарикъ, — изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ имѣлъ собственное письмо, соотвѣтственно свойствамъ его языка», — и за тѣмъ въ подтвержденіе сейчасъ указаннаго обычая, ссылается на Грековъ, Коптовъ, Готовъ и т. д. (§ 23). Такимъ образомъ, самъ Шафарикъ приводитъ такіе примѣры (а другихъ нѣтъ), изъ которыхъ необходимо слѣдуетъ, что восточные народы, съ обращеніемъ въ христіанство, или оставляли у себя (если только оно было) прежнее письмо (Греки, Сирійцы, и проч.), или, если собственнаго письма у кого не было, принимали письмо греческое съ большими, или меньшими его измѣненіями (Копты) или наконецъ составляли для себя новую азбуку, но основанную на существовавшихъ прежде (Армяне, Готы,